

Впечатлѣнія рецензента.

Свободный театр—«Желтая кофта».

Эту китайскую пьесу обработали два американца для европейских театров. Конечно, мы не присутствуемъ на представленіи, дѣлаемся, какъ въ Китаѣ, нѣсколько дней и вечеровъ, а всего только три съ половиной часа, но и это слишкомъ долго для такого примитивнаго сценическаго представленія.

Интересъ, разумеется, примитивъ-то и представляетъ собою; намъ забавно и любопытно смотрѣть, какъ на сценѣ рубятъ голову, и въ то время, какъ убиваемый, сѣменя пожатками, бѣжитъ за кулисы, показываютъ вмѣсто отрубленной головы подушку, или по золотой лѣстницѣ взбираются на небо, въ рай, изображаютъ садъ брошенной на землю гирляндой какихъ-то цвѣтовъ, бурный потокъ съ мостомъ устраиваютъ при помощи двухъ табуретокъ съ положенной на нихъ доской, или, перемѣстивъ съ одной скамеечки на другую, обозначаютъ, что перешли въ другую, единенную комнату и т. п. Чтецъ, играющій роль Хора,—онъ же авторъ пьесы,—объясняетъ мѣсто дѣйствія, которое происходитъ въ одной декорации, но имѣетъ чрезвычайно много всякихъ примитивныхъ перемѣнъ, которыя должно создавать себѣ въ воображеніи.

Злые персонажи раскрашены въ красную краску или имѣютъ горбы и что-нибудь чудовищное. Какъ замѣчаетъ чтецъ,—это дѣлается для того, чтобы злые люди не могли обмануть своей лицемѣрной личиной, чтобы зритель сразу могъ видѣть ихъ злую душу. Конечно, кусочки музыки, однообразной, тоже примитивной, не построены на необыкновенныхъ китайскихъ гаммахъ, пѣніе дѣвушекъ также, думаю я, не имѣетъ въ себѣ ничего китайскаго, но, конечно, имѣется гонгъ, возбуждающій начало дѣйствія или громыхающій при имени какого-нибудь богдыхана или божества. Сюжетъ имѣетъ ту наивность сказки, которая соединяется съ нѣкоторой долей философіи надъ жизнью. Злые силы смѣшаны съ добрыми, небо соединено съ землей, духи предковъ разovarиваются съ живыми.

Герой пьесы, принцъ У-ху-гитъ, спасенный отъ смерти добрымъ земледѣльцемъ и его женой, достигши юнаго возраста, идетъ добывать свой престолъ, котораго лишилъ его злой отецъ, любившій не мать У-ху-гита Чиму, а свою вторую жену—Дю-юнь-фа.

Принцу У-ху-гиту приходится проходить различные пути жизни: онъ проходитъ черезъ путь чувственныхъ наслажденій, видитъ женщинъ, торгующихъ своими сердцами, покупаетъ такую любовь, испытываетъ горечь обмана, но за тѣмъ, чтобы еще болѣе сильно жаждалъ настоящей любви, которая побуждаетъ все.

Въ этого принца У-ху-гита вылила всю свою кровь его несчастная мать, нелюбимая жена Усинына Великаго, которая этой кровью написала всю свою печальную исторію на его дѣтской желтой кофтѣ, а затѣмъ, по золотой лѣстницѣ, отправилась въ лоно праведниковъ на небо.

Принцъ У-ху-гитъ ищетъ мать, ищетъ своихъ предковъ и ищетъ настоящую женскую любовь. Онъ проходитъ и зрѣлую, философскую пору жизни, въ которой служить ему наставникомъ сѣдой философъ. Съ этимъ сѣдымъ наставникомъ принцъ У-ху-гитъ перешагиваетъ вершины горъ,—это столъ съ поставленной на него табуреткой,—но когда старый философъ, утомленный и усталый всѣми препятствіями по пути принца къ достиженію престола, совѣтуетъ благоразуміе и отступленіе передъ врагами различнаго рода, любовь и мужество берутъ верхъ надъ этой философіей и принцъ все идетъ, идетъ дальше къ цѣли. Принцъ долженъ

завоевать любовь избранной имъ дѣвушки Мой-фа-лой, которая дала ему на память свою туфлю и съ тѣхъ поръ, до его возвращенія, стоитъ на одной ногѣ, и свой престолъ, занятый не по праву его брата по отцу, прицѣмъ Златоцвѣтомъ, который любитъ только женственныя удовольствія и хочетъ коварно погубить У-ху-гита. Въ пьесѣ возвышенное смѣшано съ комическими формами.

Передъ нами метампсихоза: отецъ второй жены Усинына Великаго, погубившій мать У-ху-гита, влѣзшій въ лису, а затѣмъ въ кабана, хочетъ загрызть У-ху-гита своими клыками. Но сила у него въ хвостѣ и когда У-ху-гитъ отрубаетъ этотъ лисій хвостъ, злой Тай-фа-минъ принужденъ окончательно умереть. Конечно, У-ху-гитъ достигаетъ цѣли, Златоцвѣтъ уступаетъ ему престолъ, У-ху-гитъ даруетъ ему жизнь, надѣваетъ царственную желтую кофту и возвращаетъ туфлю Мой-фа-лой, которая становится на обѣ ноги и продолжаетъ попрежнему ими сѣменить. Кстати, эти китайки съ ихъ сѣменищей походкой отъ чрезмерно маленькихъ туфель, уродовавшихъ имъ ногу, говорить, носили такую обувь по желанію мужей. Не ради того только, чтобы у жены была маленькая ножка, а чтобы женѣ невозможно было сдѣлать болѣе вольный шагъ. Уродство обуви, непомѣрные каблукъ, какъ ходули, которые носили въ Венеціи, тоже будто-бы происходили изъ мужского опасенія къ вольнымъ шагамъ женщинъ. При китайской республикѣ какіе башмаки носятъ китайки?

Или и республиканцы-мужья ничего не имѣютъ противъ старинныхъ женскихъ колодокъ?

Поставлена «Желтая кофта» прекрасно. Изъ исполнителей этой примитивной пьесы на первое мѣсто поставлю г. Монахова. Онъ чтецъ и авторъ пьесы, онъ постоянно передъ публикой со своими поясненіями, со своей своеобразной мудростью, шутливостью, китайской вѣжливостью, пазывающей каждую вещь, даже и не заслуживающую особеннаго уваженія, августѣйшею. Гримъ, мапера себя держать, какалто застывшая, непроницаемая и тонкая улыбка, вѣжливыи и безстрастный голосъ—все это было въ г. Монаховѣ подлинно китайскимъ, безъ утрировки.

Говорить объ игрѣ остальныхъ условныхъ персонажей, имѣющихъ нарочито карикатурныя походки, карикатурные гримы, не приходится. Все очень хорошо смотрѣло со сцены въ этой китайщинѣ: и авторы, и декорация, и аксессуары.

Граціозны г-жи Коопенъ, Коммиссарьевская, Чемезова, Смирнова. У г-жи Морозовой добрый, трогашій взглядъ въ роли матери; типична фигура вдовы-свекрови г-жи Даминской; хорошая актриса г-жа Голубева, конечно, даетъ то, что нужно въ роли доброй жены земледѣльца. Очень милая женоподобный принцъ г. Кречетовъ, а г. Аслановъ, на мой взглядъ, тяжеловатъ для У-ху-гита. Но повторяю: нельзя такіе примитивы играть въ нашихъ театрахъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Выходя изъ театра, думаешь: «При Шекспирѣ тоже вѣдили на шеткѣ, изображая на сценѣ скачущаго всадника, и ставили доску съ названіемъ декорации. Но на сценѣ дѣйствовали Отецло, Лиръ, Гамлетъ. Это ужъ были не символы, а живые люди и какіе интересные. Мы же въ наши дни имѣемъ страсть къ символамъ, т.-е. къ младенческому искусству. Символы вѣдь и въ этой китайщинѣ. И любопытно посмотрѣть это въ видѣ отдыха нашей жизни. Но какъ хорошо, все-таки, что мы не китайцы и что наши пьесы такъ похожи на правду жизни и наши актеры изъ живыхъ людей.

Н. Вильде.